

Чесотка в целлофане

О том, как в одном из наших театров «сеют разумное, доброе, вечное».

В русском драматическом театре состоялась премьера спектакля «Танахшпиль» в постановке Евгения Лавренчука.

Персонажи классического фильма «Айболит-66» категорически убеждали с экрана своей незабываемой песенкой: нормальные герои всегда идут в обход. Вот и мы начнем не с сюжета спектакля (тем паче, что оный отсутствует напрочь!), а с того, **что**, по словам режиссера, ему хотелось донести до зрителя. А хотелось ему, оказывается, донести мысль о всеобщем абсурде, к которому мы привыкли настолько, что без него уже и жить не можем. И свидетельством этому, очевидно, должны были служить некоторые изречения из Ветхого Завета и использованные не лучшие образцы современной израильской прозы, почерпнутые, похоже, из одного-единственного источника — журнала «Балаган».

В общем, уважаемый зритель, приготовьтесь к редкостному наслаждению от «свежего осмысления»... темы гомосексуализма (!?) Поскольку едва ли не на старте постановки один парень вождельно мечтает о другом. Где-то в середине сценического действия мужик мужика тискает во всех местах так, что женщинам просто обидно становится... А под занавес танцуют уже не шерочка с машерочкой, как полвека назад в провинциальных домах отдыха, но сегодняшние пареньки друг с дружкой. И мечтательно при этом чуть не облизываются один на плече у другого. А далее из текста со сцены зритель узнает во всех подробностях о том, насколько неприятен зуд, простите, в анусе. И об эталонной консистенции, опять извините, естественных физиологических отправлениях (стула, расшифруем для непонятливых).

Ясненько, да? Остается разве что уточнить, **как** все описанное осуществлено. А осуществлено это все — в гигантских целлофановых декорациях, поскольку с середины спектакля (называем сие спектаклем исключительно лишь по той причине, что так указано в афише и в программке) на сцену хлещет вода. Хлещет, чтобы под нею парень тискал парня. Чтобы в нее падали и бултыхались персонажи в одинаковых белых одеждах, с непременно и одинаково расстегнутыми брюками, открывающими исподнее. Чтобы одежды напрочь вымокали, и прелести персонажей женского пола могли оценить зрители. Поскольку просто бегать через сцену с китайскими знаменами (!?) и открывать рот под и впрямь отличную фонограмму (Хор Турецкого, как-никак!) замечательной американской песни Let my people go (!!) даже автор и режиссер этого бреда Лавренчук, видать, полагает недостаточным. Как, видимо, ему явно недостаточно и того, чтобы упоминать в репликах израильские реалии, но произносить эти реплики с эстонским акцентом, да с намеком на американскую среду обитания. И для непривыкших к таким новациям зрителей сопровождается это все попытками сурдоперевода и по-полтавски «галушечным гэканием» одной из присутствующих на сцене девушек.

Нет, я не скажу ни об актерах, ни об актрисах. Молодежный состав труппы Русского театра представлен так, что ни о каком актерском начале говорить не приходится. Впору лишь изумляться тому, как в очередной раз некстати звучат за сценой цитаты из Ветхого Завета (!!), как маленький бессловесный мальчик то и дело перетаскивает по сцене кубы-кубики, якобы символизирующие Стену Плача, между камнями которой вкладывают люди свои записки, обращенные к Богу! Так вот, в интерпретации этого так называемого

режиссера все записки примерно одного содержания: «Хочу горячую и толстую сисиську» (это не опечатка — именно «сисиську»). Это не просто наглость злобного бездаря. Это уже позиция сельского петлюровца. Иначе и не объяснить. Кубы-кубики, о которых мы говорили выше, по замыслу автора далее превращаются сначала в интерьер телестудии, где продавцы билетов в кинотеатре и билетов в автобусе, по идее телеведущего, должны спорить, кому из них тяжелее жить! Затем в стойку регистрации в гостинице, где портье откажется контролировать (и на том спасибо!), почистил ли постоялец зубы и... помыл ли, вновь-таки пардон, задницу. (Все описанное — непосредственно из «спектакля», как говорится, «от и до»).

Табличка «Режиссер издевается», которую выносят из-за кулис и обстоятельно демонстрируют залу, совершенно точно отражает то кошунство, что вытворяет нынче сей «московский режиссер» Лавренчук. Он, видите ли, «прикалывается» на Библии. И молодежь непонятно какой ориентации, которой на премьере много, аплодирует и буквально заваливает цветами его, Лавренчука, и тех молодых людей, которые, барахтаясь в воде, представили публике лавренчуковскую-таки «патографию времени», как обозначено в подзаголовке постановки. Если угодно — патологию сознания.

Итак. Это уже не драматург Мардань, который представлен в репертуаре театра куда шире всяких шекспиров и чеховых, вместе взятых. Это уже и не надругательство над Пушкиным, чья «Пиковая дама» показалась мне в здешней трактовке чуть ли не исповедью кокаиниста, коротающего часы и дни в компании стриптизерш из продыmlенного нэпманского салона. Быть может, мои оппоненты станут говорить о «новых веяниях», об «осовременивании Библии» и вспомнят даже Эжена Ионеско и Сэмюэля Беккета, своими пьесами положивших начало «Театру абсурда»? Но у Беккета и Ионеско был именно Театр, обретавший в их драматургии новое крупное и полноправное художественное наполнение и направление. За что и удостоены они вполне заслуженных лавров — один стал лауреатом Нобелевской премии, другой был избран во Французскую академию.

Родившийся во Львове и думающий, что он москвич, двадцатипятилетний Евгений Лавренчук, «замысливший и создавший» то, о чем мы писали, доселе был знаком одесситам своей работой «Сумерки богов» о Вере Холодной и Александре Вертинском. Оценки тогда были, мягко говоря, неоднозначными. Но неужели на сей раз хотя бы даже один-единственный критик не постесняется сказать, что представленное на сцене, пусть и отдаленно, относится к самому понятию «Театр»?

От редактора. *То, что подобных «режиссеров» следует знать из Одессы, как бы это помягче сказать, не совсем чистой метлой, нам абсолютно понятно. Не ясно другое: как все они пробираются в театры нашего города? Неужели для того, чтобы поэкспериментировать на одесской сцене, достаточно приехать из другого города и ласковым голосом сказать тем, кто принимает решение, пароль: «Мы с тобой одной крови, милый...». Противно, честное слово!*

Евгений Женин